

УДК 81' 42

ПРАГМАСЕМАНТИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛ КОММУНИКАТИВНОГО КОНСТРУКТА «ЗАПУГИВАНИЕ»

А.А. Романов, Л.А. Романова

Предлагаемое исследование направлено на выявление функционально-семантических свойств коммуникативного конструкта «запугивание» как разновидности одной из прикладных форм менасивной дискурсии, используемой в условиях конфронтационного противоборства соперничающих друг с другом сторон за доминирующие позиции в обществе. Рассматривается лингвокогнитивный механизм функционирования регулятивных манипулятивных единиц с иллокутивным потенциалом «запугивание», характеризующих вербальное поведение человека в ситуации конфронтации и конфликта. Описаны семантическая специфика и прагма-коммуникативный статус дискурсивно-когнитивного конструкта со значением «коммуникативное запугивание». Особое внимание уделено разработке комплексного интерактивного понятия «запугивание» как туннельного знака манипулятивно-информационного пространства социально-политической коммуникации. Предлагаемое исследование закладывает основу для становления и развития особого научного направления в лингвистической прагматике под названием «функционально-политическая менасология».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: агональный дискурс, запугивание, коммуникативный конструкт, коммуникативная практика запугивания, иллокутивный потенциал, манипуляция, политическая менасология, прагматическое воздействие, речевой жанр

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии Тверского государственного университета. romanov_tgsha@mail.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А. Прагмасемантический функционал коммуникативного конструкта «запугивание» [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023, № 1. – С. 46–68. Режим доступа: www.tverlingua.ru

PRAGMATIC- SEMANTIC FUNCTIONAL OF COMMUNICATIVE CONSTRUCT «INTIMIDATION»

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova

The proposed study is aimed at revealing the functional and semantic properties of the communicative construct «intimidation» as a variety of one of the applied forms of menasive discourse, used in a confrontation between rival parties for dominant positions in society. The article considers the linguo-vocabulary mechanism of functioning of the regulatory manipulative units with the illocutionary potential of «intimidation» characterizing verbal behavior of a person in a situation of confrontation and conflict. Semantic specificity and pragmatic-communicative status of discursive-cognitive construct with value of «communicative intimidation» are described. Special attention is paid to development of complex interactive concept «intimidation» as a tunnel sign manipulative-informational space of socio-political communication. The proposed study lays the foundation for the formation and development of a special scientific direction in linguistic pragmatics called «functional-political menasology».

KEY WORDS: agonal discourse, intimidation, communicative construct, communicative practice of intimidation, illocutionary potential, manipulation, political menasology, pragmatic influence, speech genre

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University; Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, Professor, Professor of the chair of pre-school pedagogy and psychology of Tver State University. romanov_tgsha@mail.ru

Citation: Romanov A.A., Romanova L.A. Pragmatic-semantic functional of communicative construct “intimidation” [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2023, № 1. – P. 46–68. Access mode: www.tverlingua.ru

Пространственно – географический масштаб и интенсивность выхода на авансцену в первой четверти 21 века одной из наиболее распространённых и востребованных в геополитическом социально - информационном пространстве форм конфронтационного бытования языка в виде вербально - батальных и агрессивно - атакующих практик подтверждается сегодня реальными фактами демонстративного экспонирования таких практик участниками (далее также – интерактантами, акторами, соперниками, противниками) противоборствующих сторон друг против друга (о специфике демонстративного типа поведения говорящей личности см.: Леонгард, 2000; о демонстративном типе менасивного поведения см.: Романов, 1988; 2020; Романов, Новоселова, 2013; 2020; Романов, Романова, 2023). Эти же факты свидетельствуют и о том, что дискурсивно-демонстративный характер обмена указанными практиками выстраивается по схематическому образцу, который в общих чертах присущ “словесным боевым атакам”, осуществляемым участниками противоборства друг против друга на базе когнитивно - дискурсивных моделей метакоммуникативного конструкта «запугивание» и его субмодельных дериватов со значением «устрашения» и «угрозы» (см.: Романов, Новоселова, 2013; 2020; 2021; 2022; 2023; Романов, Малышева, Новоселова, 2014; Романов, Малышева, 2015; Романов, Романова, 2022; 2023; 2023а; также см.: Ожегов, 1999: 839).

Коммуникативно-дискурсивный конструкт «запугивание» как когнитивный феномен представляет собой комплексную совокупность естественно - языковых практик, которые отражают обмен интерактивно -

манипулятивными практиками субъектов менасивной коммуникации, объединенных общей иллюкативной доминантой участников интерактивной менасивности с целью каузировать дискомфортные ощущения (состояния) одному из участников как объекту воздействия от нормального (нейтрального) эмоционального состояния до состояния потери нравственных критериев оценки своих действий. Субъект и объект менасивного воздействия способны реализовывать ролевые позиции «запугивающего» («агрессора») и «запугиваемого» («жертву») соответственно. В роли субъектов менасивного воздействия могут выступать не только отдельные граждане или общественно-организационные структуры государства, но также и сами государства. Другими словами, *запугивание* – это метаконструктивный феномен туннельного семиозиса, раскрывающий как конфронтационную направленность агонально-агрессивного обмена интерактивными практиками между противоборствующими сторонами, так и характер регулятивно-лимологических параметров такой направленности.

Естественно-языковые практики менасивной направленности порождаются участниками интерактивного противоборствующего обмена в диапазоне от нормального или нейтрального эмоционального состояния до состояния полной потери нравственных критериев оценки своих действий каждой из сторон. При этом каждая из участвующих в интерактивном обмене сторон реализует ролевые позиции “запугивающего” (“агрессора”) и “запугиваемого” (“жертву” агрессии). В роли субъектов манипулятивного воздействия могут выступать как отдельные граждане, так и общественно-организационные структуры стран-государств.

Важно иметь в виду, что коммуникативный конструкт является смысловой единицей более высокого уровня чем понятие и его коммуникативно-функциональный потенциал представляет собой «трактовку ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Келли, 2000: 228), которая выстраивается на основе контрарных типа отношений «когнитивных мерностей», расположенных на протяженной оси

семантического объёма конструкта в виде «туннельного» знака» или знака «туннельной направленности» (Романова, 2007; Романов, Романова, 2015). В процессе трактовки (т.е. в процессе «мерности» погружения участников в глубину семантического объёма туннельного знака) отправной точкой оценки является сам человек говорящий как когнитивный агент, который самостоятельно производит отсчет для себя, своей деятельности и для выработки ориентационных форм поведения. К этому следует добавить, что посредством когнитивных мерностей «туннельного» знака человек воспринимает «внешнее» (окружающий мир), а через «внутреннее» – свое сознание. При этом, границы образа мира и образа себя в этом мире достаточно подвижны на протяженной оси семантического объёма коммуникативного конструкта.

Отметим также, что в семантическом пространстве коммуникативного конструкта как туннельного знака человек говорящий (*homo loquens*) может самостоятельно размещать (погружать) себя в этом пространстве или же он погружается (манипулятивно вводится, “загоняется”) в него посредством реализации дискурсивно-менасивных практик и “срежиссированных” технологий в процессе реализации специально проводимых заинтересованной стороной коммуникативно-манипулятивных операций, призванных в менасивной интеракции решать конкретно поставленные задачи. Обозначенные практики призваны вызывать и отражать динамику прогрессирующего нарастания эмоциональных переживаний запугиваемого адресата в виде волнового нарастания или наката. В любом случае обозначенный процесс погружения отмечается (проявляется) через его вербально-авербальные практики.

Свойственный сегодняшней современности менасивно - демонстративный тип поведения индивидов в социуме нацелен, как правило, на достижение доминирующего влияния над своим собеседником, оппонентом или соперником / противником, чтобы с дерзкой экспрессивностью максимально экспонировать себя при помощи вербально - батальных и

агрессивно - атакующих практик, нередко “облачённых” в аттрактивные декларативные формы на грани форсажного вызова. Демонстрация своей готовности и способности реализовать превосходство над оппонировавшей стороной в лице отдельного индивида или общества, страны, нации-государства путём привития ей таких личностных качеств, навыков и умений направлена на то, чтобы они могли бы развивать у атакованного противника комплекс неполноценности, неуверенности в своих силах и собственной пассивности дать жёсткий отпор атакующей стороне. Другими словами, в менасивной коммуникации атакующая сторона или агрессор-инициатор усиленно стремится при помощи своих дезруптивных практик развить у жертвы агрессивных атак наивысшую степень комплекса «анатомии человеческой деструктивности» (Фромм, 1998) или «абсолютного дискомфорта», чтобы обозначенная «деструктивность» “помогала” оппоненту

- ослаблять свои силы в противостоянии агрессивно нацеленным атакам
- подавлять его волю к сопротивлению и
- склонять к коллаборационистскому сотрудничеству под эгидой агрессора - гегемона.

Достижение выработки такой степени «анатомической деструктивности» у соперника осуществляется с помощью тактического и стратегического использования агрессивно-атакующих практик со значением «запугивание», направленных на его (соперника) постепенное или поэтапное (пошаговое, растянутое во времени) «анатомическое» “расчеловечивание”, чтобы в конечном итоге полностью подчинить консциентальную (от лат. – “conscientia”) сферу деятельности противоборствующей (атакованной) стороны с целью привить ей нужные шаблоны (“лекала”) полного повиновения (или коллаборационистского сотрудничества) атакующей стороне или гегемону-агрессору. Разработанные атакующим противником (агрессором) в соответствии с его тактическими задачами и стратегическими целями рубежи (т.е. точкина оси туннельного знака-конструкта) ставят своей целью достичь господствующего (доминирующего) управления над жертвой атак, чтобы таким

образом переформатировать и изменить не только то, *что* люди атакованной стороны думают, говорят, обсуждают, но и также внушить (“привить”) им *как* они должны мыслить, действовать, творить, а также *какие* давать им советы, рекомендации, инструкции и в *чью* пользу они должны принимать решения (см.: Романов, Романова, 2015; Романов, Романова, 2023а: 128; Романов, Морозова, Романова, 2015; также ср.: Бартош, 2014; Мельник, Мисонжников, 2018; Мисонжников, 2022).

В этих обстоятельствах коммуникативно - дискурсивные практики «запугивания» являются базовыми элементами вербальной модели когнитивно - конструктивной компоненты менасивной интеракции (в широком смысле этого словосочетания), призванной в агонально-коммуникативном процессе воздействовать на концентриальную сферу человека для того, чтобы в контексте упорной борьбы за своё превосходство интенсивно осуществлять агрессивно-атакующее влияние (давление) не только на социально-политические и экономические условия жизнедеятельности отдельных граждан и атакованных стран (наций, народов), но и на их эмоции, мотивы и формы поведения. Не следует упускать из виду, что это же давление осуществляется также и на руководителей атакованных стран, и на высшее звено управления (топ-менеджмент) производственно-финансовых и технологических объединений, корпораций, общественных организаций, отдельных отраслей хозяйства и даже на отдельных граждан – лидеров общественного мнения, религиозных и политических течений, чтобы, изменяя их личностные установки, формы поведения, культурно – историческую идентичность и общенациональные ценности, переформатировать (или переконструировать) их индивидуальную картину мира в пользу атакующей стороны.

Опираясь на вышесказанное, уместно заключить, что функциональный потенциал коммуникативно - дискурсивных практик со значением «запугивание» способен объединить в себе интегративную суммарность возможностей и способностей агрессора-гегемона

– **а)** поражать без прямого использования вооруженных сил

функциональную сеть общенациональных публичных коммуникаций, формирующих посредством основных информационных каналов скрепы структурно - организующего, регулятивного “ядра” общества как единого центра управления;

– б) раскалывать единство и целостность общества на соперничающие *versus* враждующие между собой части по национальному, религиозному, гендерному или иному другому признаку и по мере результирующей целесообразности сталкивать (или стравливать) их между собой;

– в) дробить общество на группы, объединения и течения по политическим, культурным, имущественным интересам, запросам, а также потребностям и ожиданиям с ориентацией на получение особых грантов и преференций при взаимовыгодной коллаборации с атакующей стороной;

– з) подчинять атакованное общество воле атакующего агрессора, выделяя в нём лояльных участников и их успехи в совместной с атакующей стороной деятельности по управлению атакованным обществом, превращая в орудийный инструмент каждого участника в нужного коллаборациониста с тем, чтобы сделать его оружием борьбы за светлое будущее;

– д) бенефициарным образом контролировать развитие атакованного общества, чтобы в человеческом пространстве общества (т.е. в сфере бытия или жизнедеятельности человека социального) борьба / битва за мозг (точнее: за концентрическую сферу) каждого индивида-участника этой борьбы была бы правдиво придумана – в рамках «исторической мифологии», по К. Беккеру (Беккер, 2002), искусно или “непротиворечиво оправдана” какими-то учеными и не затухала бы как можно дольше, ибо такая битва должна крепко опираться на сконструированную (виртуальную, созданную, “срежиссированную”) “историческую” необходимость, которая угрожает всем участникам этой борьбы в виде надвигающихся политических или климатических катастроф, наводнений, засухи, обвала цен и потери рынков сбыта товарной продукции, финансовых затруднений и глобального разорения, труднопреодолимых условий посева / уборки урожая. Особую роль в этом процессе играет для обеих

сторон проблема незаконных рестрикций, которые одна сторона “законно” и “обоснованно” накладывает на своего оппонента, а другая сторона стремится на тех же основаниях противостоять им в меру своих сил и возможностей.

Очевидно, что нацеленность атакующей стороны на «анатомический» процесс «человеческой деструктивности» своего противника позволяет создавать у последнего ситуацию «неуправляемого хаоса» или «контролируемой нестабильности» (Пригожин, 1991) путём «наложения на него ответственности за выбор того или иного пути развития конфронтационного противостояния» с целью одержать безусловную победу над ним и тем самым добиться полного его подчинения (ср.: Милгрэм, 2016: 8, 23). В этих условиях сконструированная (созданная) атакующей стороной «контролируемая нестабильность» (см. выше пункты *a – d*) становится той первопричиной, которая генерирует не только «взлом» личности атакованного и психологически надломленного соперника (т.е. как отдельного индивида, так и коллективного адресата), но также порождает у него связанные с такой первопричиной некомфортные эмоциональные переживания.

Известно, что любое резкое обострение мировоззренческих, экономических, политических и социальных противоречий между ведущими борьбу за доминирующее положение в мировом масштабе соперниками (отдельными акторами или странами - государствами) порождает крайне напряжённую геополитическую обстановку в мире, которая накаляется день ото дня и грозит перерасти *от* санкционных vs рестриктивных «войн связности» (т.е. широкоформатных “гибридных” войн, включающих в себя как информационно - консциентальные операции, так и обычные боевые действия с применением конвенционального оружия) *до* открытых полномасштабных вооружённых конфликтов апокалипсического формата.

В этом контексте комплексная, публично - медийная дискурсия, реализуемая с установкой на социально-политическое *запугивание* своего соперника в виде отдельных коммуникативно - конструктивных практик-регулятивов, становится широко тиражируемым воздействующим ресурсом

глобального публично-информационного пространства, который (ресурс) в публичном дискурсивном обмене агрессивными практиками усиливает влияние коммуникативно - информационной составляющей на коллективное сознание как сторонних представителей мирового сообщества в целом, так и на коллективное сознание атакованных стран-государств, а также и на сознание их граждан в отдельности (о термине «войны связности» / «connectivity wars» см.: Leonard, 2016; также: Романов, Романова, 2015).

Реализация агрессивного потенциала менасивных практик со значением «запугать» вывила примечательную особенность, которая связана с проявлением некомфортных эмоциональных переживаний запугиваемого адресата. При анализе исследуемого материала было отмечено, что во время использования коммуникативных приёмов и техник запугивающего воздействия субъектом-агрессором *наблюдавшие* (т.е. не подверженные менасивному воздействию запугивания и не являющиеся прямым объектом такого воздействия) со стороны за процессом запугивания жертвы (как отдельного человека, так и коллективного / массового адресата, т.е. организации, сообщества, целой страны и даже группы стран) *не противодействовали* агрессивному менасивному давлению, не вмешивались прямо или косвенно / опосредованно в этот процесс и *не осуждали* открыто его результирующие разрушительные последствия. Больше того, наблюдавшие, скорее, сочувствовали агрессору (т.е. в большей мере молчаливо соглашались с его действиями) и тем самым как бы отдавали предпочтение агрессору, что он на правах гегемона использует свои властные или силовые («мягкая сила», «жесткая сила», «острая сила») способы воздействия / утращения в эксплицитной или имплицитной форме.

В этих обстоятельствах уместно ещё раз подчеркнуть, что используемое агрессором для этих целей коммуникативное образование в виде *дискурс-конструкта* «запугивание» представляет собой специфический когнитивный феномен в виде интегративного **Функционально - Семантического Представления**, лингво-прагматический потенциал которого не только связан с

конкретной областью его применения, но и обусловлен процессом формирования дискомфортного состояния как у индивидуального, так и коллективного адресата. И этот функционал активно практикуется, например, политическими акторами разного уровня и порядка в качестве эффективного воздействующего ресурса агонально-менасивной коммуникации, нацеленного на завоевание, удержание и использование в собственных целях доминирующей позиции (власти) в социуме или в мире, т.е. завоевания и реализации позиции абсолютного гегемона над своим соперником.

В силу этого представляется важным направить исследовательский интерес на изучение специфики функционирования регулятивных практик менасивной (запугивающей, угрожающей) направленности как эффективного ресурса политической манипуляции в широком смысле этого термина и выявление используемого при этом арсенала различных информационных технологий. Потенциальный диапазон таких манипулятивных технологий достаточно широк: от игры в “красивые слова”, семантической диффамации, эвфемизмов до спиндокторинга, фейков и дезруптивных практик “острой” / “разрушительной” versus “умной” / “мягкой” силы (скорее, по Лукиану из Самосаты, чем по Джозефу Наю). В первоочередном порядке целесообразно, опираясь на сравнительно-сопоставительный анализ имеющихся лексикографических описаний словарных дефиниций, проанализировать структурную организацию коммуникативного конструкта «запугивание» с описанием семантических признаков его типовой метапредикатной вершины «запугивать». Для этих целей были привлечены лексикографические источники различного профиля, в том числе: Словарь русского языка С.И. Ожегова (1999), Малый академический словарь под ред. А.П. Евгеньевой (1981-1984), Новый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (2000) и ряд иных источников, в которых нашли отражение семантические свойства (признаки, семы, характеристики, черты) метапредикатной (гиперпредикатной) лексики «запугивать».

Семантические свойства, которые могут быть выделены при анализе лексикографических дефиниций метапредикатной (гиперпредикатной) лексики «запугивать», дают в некотором приближении возможность выявить основные гиперонимические (сквозные) признаки семантической структуры конструктивного метапредикативного элемента «запугивать», образующего *модульно-модусную рамку* всего дискурсивного комплекса под названием «коммуникативный конструкт со значением “запугивание”». Если представить данный коммуникативный конструкт в виде формальной семиотической записи $p(S)$, то в нём метапредикатная форманта “p” («запугивать») обозначает функционально-семантическое содержание роли манифестационного “обёртывания” (вербальной упаковки) фреймового формата поэтапной подачи (презентирования) череды событийных коммуникативно-дискурсивных практик, отражающих стратегическую направленность менасивного воздействия на целевую аудиторию. Символ “S” объединяет в себе иллюкутивно - прагматический и семантико - тематический комплексы предметных областей вербальных действий-практик направленного на целевую аудиторию менасивного воздействия.

Для осуществления сравнительного анализа обратимся к дефинициям метапредикатной (или гиперпредикатной) лексики-маркера «запугивать», характеризующей взаимодействие участников менасивной интеракции, в которой содержание дефиниций поможет сформировать и раскрыть её семантическую структуру. В качестве иллюстративного материала воспользуемся словарём С.И. Ожегова, в котором дефиниция метапредиката «запугивать» представлена через структуру значений глагола следующим образом: «запугать: *сов., кого (что)*. 1. Постоянными окриками, угрозами сделать робким, пугливым. *Запугать ребенка*; 2. Заставить бояться кого-чего -н. || **запугивать: несов. несов.**» (Ожегов, 1999: 219).

Выделенные дефиниционные признаки или семы позволяют очертить у метапредикатной (гиперпредикатной) лексики «запугать» наиболее значимые функционально - семантические свойства, присущие также и лексеме

«запугивать». К их числу следует отнести базовую или ядерную сему (признак) «посредством причинения атакованному противнику испуга и страха» породить у него «нарушение покоя», «вызвать душевное волнение, внезапное чувство страха, душевное беспокойство, сильную тревогу, боязнь» (см. соответственно: Ожегов, 1999: 51, 62, 98, 170, 897, 825). Причем, отмеченная в словаре помета «*несовершенный вид*» придаёт дополнительный признак временной (практически неограниченной) протяженности как самому процессу менасивного воздействия, так и протяженности во времени и интенсивной глубине генерируемых душевных переживаний, повторяющихся раз за разом в виде накатывающихся друг на друга волн эмоциональных переживаний, которые с каждым новым (повторным) накатом аккумулируют силу своего эмоционального давления на жертву запугивания и передают её следующей волне (или ступени).

Таким образом, очевидно, что динамика процесса интерактивно-менасивного воздействия непосредственно усиливает глубину переживаний у атакованного противника (жертвы), которые (переживания) благодаря динамичности процесса менасивного воздействия добавляют ему особую остроту переживаний и ощущений, как то – ощущений «беспокойства», «недоверия», «душевного расстройтва», «обоснованной тревоги», «настороженности», «предчувствия надвигающейся опасности, несчастья», «безвыходности». В конечном итоге глубина переживаний приводит жертву-субъекта к ощущению полного *дискомфорта*, т.е. к появлению таких условий жизни и пребывания в них, которые не могут больше обеспечивать жертве агрессии удобств, спокойствия, нормального, свободного, безопасного и независимого от воли противоборствующей стороны достойного образа жизнедеятельности.

Краткий экспресс-анализ дефиниционных характеристик позволяет констатировать, что в числе наиболее общих семантико-синтаксических признаков упомянутой метапредикатной вершины «запугивать» можно выделить такие значимые свойства как “реляционность”, “акциональность”,

“гиперонимическую интегративность”, “тактико - стратегическую обоснованность и целенаправленность”, “директивность”, “локутивность”, “каузативность”, “менасивность” и «эмоциональность». Становится понятным, что выделенные признаки не только формируют содержательный объем типового метапредикатного ядра коммуникативного конструкта «запугивание», а они также вносят свой существенный вклад в построение интерактивного основания типовой фреймовой конфигурации со значением «запугивание». Кроме того, выделенные признаки характеризуют процесс движения волнового нарастания эмоциональных переживаний запугиваемого адресата, при котором одна волна эмоционального состояния, аккумулируя предыдущие состояния, подгоняет другую волну и тем самым усиливает её воздействие по принципу волнового наката.

Этот процесс можно представить в виде определенной модели, если распределить выделенные признаки по оси поступательного движения (усиления) менасивного давления на соперника и вместе с ним фиксировать нарастающую интенсивность воздействия волн эмоциональности – от признака нулевой релятивности (“реляционности”, нейтральности) или нейтрального состояния атакованного интерактанта, который ещё не затронут эмоциональным волнением / переживанием, связанным с менасивным воздействием, к результирующему признаку гипертрофированной менасивности – к “потере нравственных критериев”, к потере собственной идентичности, т.е. к полному «дискомфорту». В специфике такого постепенного (поэтапного) движения находит своё экспонентное уточнение семантический функционал коммуникативного конструкта «запугивание»:

Нейт- ральное состоя- ние	вол- нение	тре- вога / беспо- койст- во	опа- се- ние	ис- пуг	бо- язнь	страх	ужас	потеря нравст- венных крите- риев	Дис- ком- форт
0	1	2	3	4	5	6	7	8 / 9	10

Условные обозначения:

– стрелка с рисками отметок от нуля до десяти обозначает направление движения от отметки 0 (ноль) к дискомфорту (отметка 10), в русле которого осуществляется эмоциональный (при-)рост волнового наката деструктивных ощущений у атакованного адресата-оппонента;

– 0 (ноль) символизирует точку отсчета эмоционального состояния адресата-жертвы, незатронутого менасивной аффицированностью практик со значением «запугать»;

– этапные точки 1–8 репрезентируют рост (волновой накат) эмоциональных ощущений и переживаний у атакованного адресата (жертвы) по оси дискурсивно-когнитивного конструкта «запугивание», который (рост) причинён менасивными манипулятивными практиками с иллокутивной направленностью «запугать», чтобы приучить атакованную жертву рассматривает себя как орудие чужих желаний;

– 8 / 9 обозначают точку перехода аффицированного эмоционального состояния наивысшего переживания и страха, при котором жертва агрессивных менасивных атак теряет нравственные критерии своей жизнедеятельности, стойкости и не отождествляет адекватно свою идентичность.

Здесь также уместно добавить, что любую этапную точку эмоционального переживания на оси семантического континуума (пространства) коммуникативного конструкта «запугивание» можно рассматривать как одну из возможных диспозиций модальности Я-жертвы и контрарно ей соотносить с диспозицией модальности Я-агрессора. Это означает, что практически любая коммуникативная практика со значением «запугивать», дискурсивно реализованная в менасивной интеракции, может представлять собой Я-агрессора и Я-жертвы агрессии на континууме содержания коммуникативно - дискурсивного конструкта «запугивание», в то время как сам коммуникативный конструкт «запугивание» охватывает лишь «туннельно-менасивное» пространство дискурсивных практик со значением

«запугивать» в виде простой или «срежиссированной» совокупности менасивных действий-практик.

Таким образом, достигнув точки «полный дискомфорт», адресат манипулятивно-дискурсивного воздействия оказывается морально и психически сломленным и, подчиняясь, «более не считает себя действенной причиной своих поступков» (Милгрэм, 2016: 16). Иначе говоря, он ощущает себя жертвой менасивных атак. В этой позиции адресат-жертва локализует (размещает) себя в точке абсолютного дискомфорта и признает гегемонию внешнего управления над своим пространством (о когнитивно-дискурсивной организации коммуникативного конструкта менасивной направленности см.: Романов, Новоселова, 2021: 208–229; Романов, Новоселова, 2022: 205–220). Движение от отметки 0 (ноль) к дискомфортности (отметка 10) можно графически представить в виде определенной линии, направленной от полюса эмоционального комфортного состояния к дискомфортному состоянию и проходящей через аффицированное состояние либо какой-то одной точки, либо всех точек поочередно: 0|-----А-----⇒|Д.

Проходя через обозначенные на оси континуума коммуникативного конструкта «запугивание» реперные точки отсчета («мерности») эмоционального содержания, необходимо отметить, что объём функционально-семантического наполнения пространства описываемого конструкта как «туннельно-менасивного» знака формируется семантическим потенциалом используемых дискурсивных практик со значением «запугивать» в ходе реализации своих валентных позиций. Так, в частности, признаки «реляционности» и «акциональность» метапредикатной вершины «запугивать» призваны отражать набор действий атакующей стороны, которые задают иллокутивно-тематическую направленность менасивных практик и репертуар их ролевых (семантических – прагматических – коммуникативных и интерактивных) проявлений. При этом сама вершина конструктивного образования придаёт специфику целенаправленной деятельности запугивающему субъекту, подчеркивая тем самым осознанный характер

совершаемых им действий. Именно целенаправленность характера действий-практик (признак “целенаправленность”) позволяет атакованному адресату раскодировать запрограммированный в них желаемый целевой результат – стать орудием чужой воли и желаний. Конкретизация планируемого результата указывает на то, что комплексно-интегративный метапредикат направлен на каузацию запугиваемого в позиции «объекта-мишени», в понимании Лукиана из Самосаты (Лукиан, 1991), чтобы посредством воздействия менасивных практик контролировать состояние атакованной «мишени» и тем самым способствовать объекту-мишени проявить свою ответную реакцию на запугивание.

Очевидно, что агрессор через контроль за состоянием атакованного адресата периодически посылает для него (как для объекта-мишени) в прямой или косвенной форме информационные сообщения, чтобы он через них точнее понимал и осознавал результативность атакующего воздействия. Больше того, такими посланиями агрессор, если возникает необходимость, подталкивает объект-мишень к совершению определенных действий (признак “побудительность”), которые атакованный адресат-мишень должен выполнять, чтобы продемонстрировать свою готовность к сотрудничеству идти в фарватере требований агрессора-гегемона и подчиняться его воле и желаниям.

По мере запугивания атакующий агрессор вскрывает (выявляет) сферу болевых (уязвимых) точек запугиваемого и расширяет её до тех параметров (см. выше шкалу эмоционального напряжения модели менасивного воздействия), которые он стремится достичь. Характерно, что своей ответной реакцией атакуемый адресат (объект-мишень) сам неосознанно фиксирует (обозначает) границы своего возможного сопротивления, демонстрируя тем самым объём и размеры потенциала своей стойкости. вручает себя авторитету

При этом важно отметить, что в процессе менасивного воздействия адресат запугивания непроизвольно (неосознанно) демонстрирует границы тех рубежей, за которыми ему придется признать себя готовым к коллаборационистской деятельности и полностью полагаться на авторитет

гегемона-победителя. Запугиваемый субъект помимо своего желания также будет вынужден своими ответами продемонстрировать (раскрыть) атакующей стороне свой потенциал стойкости. Другими словами, атакованный, но обороняющийся от атак адресат раскрывает в ответных действиях свой потенциал и уровень готовности сопротивляться менасивному воздействию, показывая, насколько он ещё может или уже не может оппонировать своему запугивающему противнику. Показатель стойкости и готовности к сопротивлению есть определенный сигнал атакующей стороне прекратить или продолжить менасивные атаки, чтобы начать подготовку к переговорам и добиться на них выгодных позиций.

Подавая сигналы стойкости или капитуляции, запугиваемый адресат позволяет выявить агрессору допустимую точку на оси волнового движения дискомфортных эмоций. Фиксация такой точки примерно показывает агрессору, с какой точки волнового воздействия можно сдвинуть своего противника, в какую сторону и как далеко в зафиксированном состоянии атакованный противник может перемещаться по оси движения в туннельно-конструктивном пространстве, прежде чем он откажется от сопротивления и не только признает своё подчинение (см. выше точку 8 / 9 на оси коммуникативного конструкта «запугивание»), но и доминирующий авторитет запугивающего. Иначе говоря, запугиваемый показывает не только свою готовность к сопротивлению, но и какой ресурс имеется у него для продолжения борьбы. Уместно заметить, что запугиваемый может при первых атаках на него сразу признать авторитет запугивающего и обозначить свою готовность к повиновению. Однако, у запугивающего имеется приоритетное право самому принимать стратегическое решение, на какой точке движения (т.е. точке согласия подчиняться) он готов прекратить запугивание.

Ссылки – References in Russian

Бартош, 2014 – *Бартош А.А.* Модель «управляемого хаоса» в культурно-управленческой сфере // Вестник МГЛУ. – 2014, вып. 23 (709). – С. 9–26.

Беккер, 2002 – *Беккер К.* Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. – Vienna: Selene, 2002. – 61 с.

Келли, 2000 – *Келли Дж.* Психология личности. Теория личностных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 182 с.

Леонгард, 2000 – *Леонгард К.* Акцентуированные личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2000. – 544 с. URL; режим доступа: <http://www.koob.ru>

Лукиан, 1991 – *Лукиан из Самосаты.* Избранная проза. Нигрин. Пер. с древнегреч. – М.: Прогресс, 1991. – 720 с.

Мельник, Мисонжников, 2018 – *Мельник Г.С., Мисонжников Б.Я.* Политический менасив как неэтикетное речевое поведение // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 121–129.

Милгрэм, 2016 – *Милгрэм Ст.* Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. Пер. с англ. – М.: Альпина нон фикшн, 2016. – 282 с.

Мисонжников, 2022 – *Мисонжников Б.Я.* Лидер западного государства в контексте «когнитивной войны» и когнитивной безопасности // Региональная информатика и информационная безопасность. Сб. трудов. Выпуск 11. – СПб.: СПОИСУ, 2022. – С. 207–213.

Ожегов, 1999 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: «Русский язык», 1999. – 917 с.

Пригожин, 1991 – *Пригожин И.Р.* Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991, № 6. – С. 46–57.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. – 191 с.

Романов, 2020 – *Романов А.А.* Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: Ленанд, 2020. – 264 с.

Романов, Малышева, 2015 – *Романов А.А., Малышева Е.В.* Манипулятивная коммуникация в системе сетевых «информационных войн» // Жизнь языка в культуре и социуме-5". Материалы международной научной конференции. – М.: Канцлер, 2015.

– С. 225–226.

Романов, Малышева, Новоселова, 2014 – *Романов А.А., Малышева Е.В., Новоселова О.В.* Матричная технология в манипулятивной интернет-коммуникации // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1–4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – С. 126–131.

Романов, Новоселова, 2013 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурс угрозы в социальной интеракции: Функционально-семантический анализ. – М: Ин-т языкознания РАН; Тверь: Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

Романов, Новоселова, 2020 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 419–448. – DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448.

Романов, Новоселова, 2021 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: Лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Новоселова, 2022 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурс угрозы как стратегический ресурс предвыборной коммуникации (на материале предвыборных программ кандидатов на пост президента Российской Федерации) // Социокультурные угрозы: Реальность, ментальные модели и дискурс: коллективная монография / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. – 2-е изд. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 187–227.

Романов, Новоселова, 2023 – *Романов А.А., Новоселова О.В.* Регулятивные менасивы в политической коммуникации США. – М.: Флинта, 2023. – 240 с.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметический механизм конструирования медиа-смыслов информационного противостояния [Электронный ресурс] // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2015, № 3. – С. 1–16. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2022 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Дрейфующее пространство батальной эристики [Электронный ресурс] // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. – 2022, № 4. – С. 1–15. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Романов, Романова, 2023 – Романов А.А., Романова Л.А. Дискурсивная эридика политического рэп-баттла: Инструментальный потенциал и современные практики. – М.: Ленанд, 2023. – 264 с.

Романов, Романова, 2023а – Романов А.А., Романова Л.А. От рэп-баттла к баттл-рэпу: трансформационный поворот функциональной рэп-дискурсии // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики: научно - исследовательский журнал. – М.: НООПриЛ. – 2023, № 1 (41). – С. 123–140.

Романов, Романова, Морозова, 2015 – Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс]// Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: www.tverlingua.ru

Фромм, 1998 – Фромм Э. Иметь или быть? Пер. с англ. – Киев: «Ника-центр», «Вист-С», 1998. – 400 с.

References

Bartosh, A.A. (2014) Model' «upravljaemogo haosa» v kul'turno-upravlencheskoj sfere // *Vestnik MGLU*, 23 (709), pp. 9–26. (In Russian)

Bekker, K. (2002) *Slovar' takticheskoy real'nosti. Kul'turnaja intelligencija i social'nyj kontrol'*, Vienna, Selene, 61 p. (In Russian)

Fromm, E. (1998) *Imet' ili byt'?* Kiev, «Nika-centr», «Vist-S», 400 p. (In Russian)

Kelli, Dzh. (2000) *Psichologija lichnosti. Teorija lichnostnyh konstruktov*, SPb., Rech, 182 p. (In Russian)

Leonard, M. (2016) Introduction: connectivity wars // Leonard M. (ed.) *Connectivity wars: Why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future*, London: European Council on Foreign Relations, pp. 13–27.

Leongard, K. (2000) *Akcentuirovannye lichnosti*, Rostov n/D, Feniks, 544 с. URL; Access mode: <http://www.koob.ru> (In Russian)

Lukian iz Samosaty (1991) *Izbrannaja proza. Nigrin*. Translated from Ancient Greek, M., Progress, 720 p. (In Russian)

Mel'nik, G.S., Misonzhnikov, B.Ja. (2018) Politicheskij menasiv kak nejetiketnoe rechevoe povedenie // *Humanitarian vector*, 13, № 1, pp. 121–129. (In Russian)

Milgrjem, St. (2016) *Podchinenie avtoritetu: Nauchnyj vzgljad na vlast' i moral'*, M., Al'pina non fikshn, 282 p. (In Russian)

Misonzhnikov, B.Ja. (2022) *Lider zapadnogo gosudarstva v kontekste «kognitivnoj vojny» i kognitivnoj bezopasnosti // Regional informatics and information security. Collection of papers, 11, SPb., SPOISU, pp. 207–213.* (In Russian)

Ozhegov, S.I. (1999) *Slovar' russkogo jazyka: 70 000 slov / Under the general editorship of N.Ju. Shvedova, M., «Russkij jazyk», 917 p.* (In Russian)

Prigozhin, I.R. (1991) *Filosofija nestabil'nosti // Voprosy filosofii, № 6, pp. 46–57.* (In Russian)

Romanov, A.A. (1988) *Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija*, M., Russian Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, 183 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2002) *Politicheskaja lingvistika: Funkcional'nyj podhod*, Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver, Tver State University, 191 p. (In Russian)

Romanov, A.A. (2020) *Lingvopragmaticheskaja model' rechevogo upravlenija dialogom: sistemnyj analiz s primerami iz russkogo i nemeckogo jazykov*, M., Lenand, 264 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Malysheva, E.V. (2015) *Manipuljativnaja kommunikacija v sisteme setevyh «informacionnyh vojn» // The life of language in culture and society-5". Materials of the international scientific conference*, M., Kancler, pp. 225–226. (In Russian)

Romanov, A.A., Malysheva, E.V., Novoselova, O.V. (2014) *Matrichnaja tehnologija v manipuljativnoj internet-kommunikacii // Modern Media Discourse in Perspective of Theory, Social Practice and Education. I Materials of the international scientific and practical conference. Belgorod, BelSU, April 1-4, 2014.: Сб. науч. работ / Under the general editorship of E.A. Kozhemjakin, A.V. Polonskij, A.G. Hodeev, Belgorod: Konstanta, pp. 126–131.* (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2013) *Diskurs ugrozy v social'noj interakcii: Funkcional'no-semanticheskij analiz*, M., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver, Tver State Agricultural Academy, 168 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Diskursivnaja realizacija ugrozy v predvybornoj kommunikacii // *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, № 2, pp. 419–448, DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) Menasivnye konstrukty predvybornoj diskursii: Lingvokognitivnyj analiz materialov programm prezidentskoj kampanii 2018 goda, M., Flinta, 440 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2022) Diskurs ugrozy kak strategicheskij resurs predvybornoj kommunikacii (na materiale predvybornyh programm kandidatov na post prezidenta Rossijskoj Federacii) // *Sociocultural threats: Reality, mental models and discourse: collective monograph* / Under the general editorship of V.I. Zabotkina, 2, M., Izdatel'skij Dom JaSK, pp. 187–227. (In Russian)

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2023) *Reguljativnye menasivy v politicheskoj kommunikacii SShA*, M., Flinta, 240 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2015) Memeticheskij mehanizm konstruirovaniya media-smyslov informacionnogo protivostojaniya [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 3. – P. 1–16. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2022) Drejfujushhee prostranstvo batal'noj jeristiki [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 4. – P. 1–15. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2023) *Diskursivnaja jeristika politicheskogo rjep-battla: Instrumental'nyj potencial i sovremennye praktiki*, M., Lenand, 264 p. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2023) Ot rjep-battla k battl-rjepu: transformacionnyj povorot funkcional'noj rjep-diskursii // *Scholars' notes of the National Society of Applied Linguistics: research journal*, M., NOOPriL, № 1 (41), pp. 123–140. (In Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015) Frejmovaja matrica spin-doktoringovogo konstruirovaniya smyslov v sisteme publicnyh kommunikacij [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. – P. 1–31. Access mode: www.tverlingua.ru (In Russian)